Томский государственный университет
Институт истории СО РАН
Научный совет РАН "История революций в России"
Сибирская секция

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ
(первая четверть XX в.)

Материалы Всероссийского симпозиума,
посвященного памяти выдающегося ученого и педагога,
лауреата Государственной премии, доктора исторических наук,
профессора И.М.Разгона

Вып. 1

Научная библиотека
Для книг
ТГУ

Томск - 1996

Томск,1988. С. 17-19.

9. История гражданской войны в СССР. М., 1942. Т.2. / Составители Г.Ф.Александров, И.И.Минц, П.Н.Поспелов, Ем.Ярославский, Э.Б.Генкина, Е.Н.Городецкий, Н.М.Разгон, И.П.Товстуха).

10. 50 лет советской исторической науки. 1917-1967. Хроника. М., 1971. С.238.

11. См.: Очерки по истории исторической науки в СССР. Т.5. М., 1985. С.521; 50 лет советской исторической науки. С.236.

12. Красное знамя (Томск). 1962. 4 окт.

13. См.: Историческая наука ... С. 47, 87-101.

Б.Г.Могильницкий
д-р ист. наук, Томск

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ И РОССИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Современное состояние изучения октябрьской революции и гражданской войны в России настоятельно требует обогащения его концептуальной основы за счет освоения новых методологических подходов, выработанных смежными отраслями исторического знания. В их числе важное значение принадлежит бурно прогрессирующей в последние десятилетия истории ментальностей. Раскрывая умонастроения и мировидение людей, их манеру чувствовать и думать в определенных социально-исторических условиях, работая на стыке проявления сознательного и бессознательного в их поведении, она не просто обогащает наше знание прошлого, но и вводит в это знание принципиально новое измерение. Речь идет о возрастающем понимании того, что "поступки индивидов и социальных групп диктуются их мировоззрением. Только пройдя через их психику, импульсы, исходящие из сферы социальной и материальной жизни, становятся действительными факторами поведения людей"[1].

Под этим углом зрения представляется правомерным обратиться к российскому менталитету как существенному фактору отечественной истории, без должного учета которого многое в ней остается не до конца или вовсе превратно понятым. В частности, это относится к проблеме русского либерализма. Ниже будет предпринята попытка освещения вопроса об отношении между российским менталитетом и либеральной идеей. Вполне сознавая невозможность его сколько-нибудь обстоятельного решения в рамках небольших тезисов выступления, автор видит свою задачу в самой постановке этого вопроса, надеясь, что она может оказаться небесполезной в осмыслении крутых перело-

мов в новой и новейшей российской истории.

Проблема либерализма в России может быть обозначена как проблема встречи двух цивилизаций - западной и российской, сложные отношения между которыми характеризует формула "притяжение-отталкивание".Одним из важнейших духовных начал западной цивилизации, ее своеобразной визитной карточкой является либеральная идея, суть которой состоит в утверждении приоритета частного над целым, личности над обществом, общества над государством. С другой стороны, это - идея политического и культурного в широком смысле компромисса, терпимости, акцентирующая момент исторической преемственности и, соответственно, утверждающая эволюционную форму развития общества как единственно нормальную, отвечающую его природе.

Несомненна привлекательность этой идеи в России, нашедшая свое выражение, в частности, в идеализации Англии - страны, где либеральная идея раньше всего и полнее всего нашла свою реализацию. В глазах русских либералов это "избранная страна" (П.Я.Чаадаев), "образец для всех цивилизованных и стремящихся к цивилизации стран" (Д.М.Петрушевский) и т.д. и т.п.

Вместе с тем приходится признать неспособность либеральной идеи обозначить реальную альтернативу исторического развития России. На всех его перекрестках, когда решался вопрос о выборе пути дальнейшего развития страны, она быстро обнаруживала свою нежизненность. Так было в 1917 г. Так происходит и в наше время. Почему? Почему умозрительно наиболее привлекательная либерал-реформистская альтернатива в 1917 г. оказалась наименее жизнеспособной, а в годы гражданской войны и вовсе сошла на нет? Почему, как недавно писал американский профессор П.Кенез, "если бы не было большевиков и Ленин никогда не вернулся из изгнания, Россия все равно не могла бы управляться на основе либеральных и социал-реформистских принципов"? [2] Почему, наконец, наша постсоветская действительность столь далека от либеральных идеалов А.Д.Сахарова, а отчуждение власти от общества по авторитетному свидетельству С.А.Ковалева достигло сейчас невиданных даже при старом режиме размеров? [3]

Все эти "почему", естественно, простых ответов не имеют. Едва ли возможно в их поисках ограничиваться, как это традиционно делается, сферами политики и социально-экономических отношений.Заслуживает внимания мысль М.Вебера о том, что "не интересы (либеральные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но: "картины мира", которые создавались "идеями". Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше (человеческое) действие" [4]. Эти "картины

мира", составляющие менталитет общества, и выступают в роли "стрелочника", определяющего выбор той или иной альтернативы его дальнейшего развития.

Конечно, нельзя из одной крайности впадать в другую и абсолютизировать такой подход, ибо сам менталитет общества определяется всей совокупностью условий его исторической жизни. Именно они во многом обусловливают выдвижение на первый план тех или иных ментальных установок, сам характер их проявления в социальном поведении людей. Известно, например, что в спокойные времена и в периоды острых социальных потрясений национальный менталитет выражает себя по-разному. В реальном историческом процессе все его факторы находятся в сложных отношениях взаимовлияния и взаимодействия. Вычленение действия одного из них неизбежно ведет к упрощенному видению закономерностей и движущих сил общественного развития. Опасность такого упрощения присутствует и в настоящей статье. Вполне сознавая это, автор видит свою задачу лишь в том, чтобы привлечь внимание к роли ментального фактора в отечественной истории, в частности, в судьбах русского либерализма, вовсе не полагая, что найден очередной ключ, легко открывающий все тайны прошлого.

Обращаясь к судьбам либеральной идеи в России, было бы заманчиво для их объяснения построить дихотомию: тяготеющая к западной культуре интеллигенция и не понимающий ее косный народ. Собственно, в этом русле и идет традиционное объяснение причин их разъединенности ("отщепенства" русской интеллигенции) [5]. Думается, однако, что объяснение занимающего нас вопроса следует искать глубже - в самом типе российского менталитета, характерного для всех социальных групп, в том числе интеллигенции. Подлинная драма русской западнической интеллигенции коренится не столько в оторванности ее от народа, сколько в парадоксальности ее положения. Вытекающее из этого положения тяготение к либеральной идее находилось в глубоком противоречии со всем складом ее мышления, ведущими ментальными установками, глубоко этой идее чуждыми. В этом смысле ментальность интеллигенции не только не противоречила российскому менталитету, но и являлась его наиболее ярким выражением. Не случайно, поэтому, Н.А.Бердяев, характеризуя тип русского мышления, обращается к произведениям русской классической литературы, прежде всего Ф.М.Достоевского, как своему важнейшему источнику. "На Достоевском, величайшем русском гении, - пишет он, - можно изучать природу русского мышления, его положительные и отрицательные полосы" [6].

Продолжая эту мысль Бердяева, подчеркнем, что классическая литература выразила российский менталитет в его реальной противоречи-

вости. С одной стороны, его характеризуют решительное неприятие индивидуализма, утверждение идей социальной справедливости и братства народов, отзывчивость на боль людскую, нравственная чистота. И, наконец, его всечеловечность. "Ибо что такое сила духа русской народности, - говорил Достоевский в своей знаменитой "пушкинской речи", - как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?" [7] С другой, - склонность к двухцветному видению и вытекающие отсюда нетерпимость и конфронтационность мышления, утопизм, проявляющийся в самых разных формах - от сравнительно безобидной "маниловщины" до стремления насильственно приспособить действительность к идеалу, неуважение к закону, противопоставление понятий "право" и "справедливость".

Очевидна внутренняя несовместимость такого менталитета с западной либеральной идеей. Вновь обратимся к ходу мыслей Бердяева, тем более поучительным для нас, что он характеризует русский тип мышления в сопоставлении с западноевропейским (французским и немецким). "Француз, пишет он, - догматик или скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном. Немец - мистик или критицист, мистик на положительном полюсе и критицист на отрицательном. Русский же - апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном и нигилист на отрицательном полюсе". "Русский случай, - продолжает ученый, - самый крайний и самый трудный" - именно потому, что он исключает компромисс, "жизненную середину", в то время как западный тип мышления прямо ее предполагает. В отличие от него "апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу..." [8].

Наконец, Бердяев в качестве характерной черты российского менталитета указывает на подавление личностных начал, утрату индивидуальности, собственного мышления, подчинение личности коллективу. Причем имеется в виду не только государственное принуждение к единомыслию. Подчас не менее действенным фактором такого принуждения является сила общественного мнения, опасение того, что "скажет княгиня Марья Алексеевна". Бердяев пишет, используя выражение одного из героев Достоевского, о "стыде собственного мнения", который "почитался за коллективное сознание, более высокое, чем личное" и который, как полагает ученый, был особенно присущ русской революционной мысли [9].

Антилиберальная природа российского менталитета рельефно высвечивается в свете представлений семиотики о бинарных и тернарных

культурных системах, коренящихся в глубинах ментальных структур. Так, Ю.М.Лотман выделяет два типа цивилизаций с разными культурными системами - тернарными (троичными) и бинарными (двоичными). Первые присущие западной цивилизации и ориентированы на компромисс и эволюционное сознание. Вторые представляют собой тип мышления, ориентированного на взрыв, отличающегося крайним радикализмом и бескомпромиссностью. Такая бинарная система характерна для русской культуры, всегда тяготевшей к полярности и максимализму.

Указывая на влияние такого типа мышления на отечественную историю, Ю.М.Лотман особенно отмечает два взаимосвязанных элемента, имеющих непосредственное отношение к нашей теме. Во-первых, присущий этому менталитету и глубоко укоренившийся в русской истории этический максимализм вел к утверждению в общественном сознании принципа "кто не с нами, тот против нас" - "ведущего принципа бинарных систем" и тем самым способствовал доминированию в обществе настроений агрессивности и нетерпимости, периодически проявляющихся в истории России со столь разрушительной силой. Во-вторых, отсюда вытекал радикальный разрыв с прошлым, воплощенный в идее полного и безусловного уничтожения старого и апокалиптического рождения нового. Но поскольку абсолютное уничтожение старого невозможно ни в какой культурной системе, неотъемлемым спутником бинарного мышления является утопизм. "В то время как тернарная система стремился приспособить идеал к реальности, бинарная - осуществить на практике неосуществимый идеал" [10].

Конечно, не следует рисовать бинарную систему исключительно в мрачных красках. Она имеет и свои достоинства, особенно ярко проявляющиеся в экстраординарных условиях жизни общества, когда требуется предельное напряжение его духовных и физических сил. Ей присущ высокий мобилизационный потенциал, позволяющий в кратчайшие сроки концентрировать усилия миллионов людей на решении общенациональных задач. История нашей страны являет тому немало примеров. Но в тоже время она формирует и укрепляет общественное сознание, ориентированное на конфронтацию, нетерпимость, радикальный разрыв с прошлым, подчинение индивидуума государству, что по сути своей не только не способствует утверждению в обществе либеральных ценностей, но и прямо несовместимо с ними.

Под этим углом зрения вернемся к поставленному ранее вопросу о причинах поражения либеральной альтернативы в 1917 г., который можно переформулировать в вопрос, почему победила тогда большевистская альтернатива. В наиболее близком к проблематике данного доклада виде он был поставлен в русской религиозной философии исто-

рии, представители которой искали ответ на него не в сфере социально-экономических отношений, с одной стороны, и случайных личностных комбинаций, - с другой, а в особенностях народного мировосприятия, тех создаваемых людьми "картин мира", о которых писал М.Вебер. Уже в начале 20-х гг. Л.П.Карсавин увидел в большевизме индивидуализацию некоторых стихийных стремлений русского народа [11], что и сделало закономерной его победу.

Присмотримся к ходу рассуждений этого одного из самых значительных представителей русской религиозно-философской мысли первой половины нашего столетия, глубина которых особенно рельефно раскрывается на фоне концепции Октябрьской революции, развитой в последней книге Р.Пайпса, ставшей своеобразной библией антикоммунистов, в особенности в России.

Разъясняя смысл этой концепции, Пайпс в предисловии к русскому изданию своей книги пишет: "Русская революция для меня драма, трагические события которой проистекают из человеческих слабостей"[12]. Это положение получает последовательное воплощение на страницах его книги, в особенности ее второй части, этой "персонализированной истории", являющейся по словам ее американского рецензента "рассказом без героев": все, кто упоминается в ней, за примечательным исключением Корнилова и Николая II, являются либо плутами, либо глупцами. Главный злодей, конечно, Ленин, развязавший кровавую войну против собственного народа [13]. "В глазах большинства населения страны, - заключает Пайпс, -новый режим становится чем-то чудовищным и непредсказуемым, бедствием, которому невозможно сопротивляться" [14].

Создается впечатление, что Карсавин прямо полемизирует с этой книгой, написанной много десятилетий спустя, да и со всем сонмом современных обличителей Октября, столь обильно расплодившихся в наши дни на его родине, что впрочем свидетельствует о научном уровне этих обличений, являющихся по существу реминисценциями белоэмигрантской критики большевизма. "Удивительно,- пишет русский ученый, - как просто все объясняется врагами и критиками большевизма. - Прибыло из-за границы (да еще в запломбированных вагонах) несколько десятков оголтелых тупиц и преступников. Стали эти преступные тупицы "сеять смуту", собирать вокруг себя уголовных преступников и дезертиров, льстить инстинктам армии и толпы, и, в конце концов, подчинили себе великий многомиллионный народ".

Почему же, задается он вопросом, русский народ не только терпел большевиков, но и защищал их от Колчака, Деникина, Юденича, Польши? "Почему население, приветствовавшее "белую власть", так скоро от

нее отвращалось и начинало снова ждать большевиков? - Все это остается неизвестным. Если признать, что русский народ подчинялся большевикам только за страх, надо будет признать не русским народом погибших в гражданской войне и защите России красноармейцев... Подобным методом исключения придется ограничить русский народ пределами немногочисленной кучки эмигрантов, что само по себе маловероятно" [15].

Более того. Непримиримый идейный противник Октябрьской революции и большевизма Карсавин указывает, что "по существу своему политика большевиков была если не лучшим, то во всяком случае, достаточными, при данных условиях, может быть, единственно пригодным средством для создания русской государственности и культуры" [16]. Почему? Прямого ответа на этот вопрос Карсавин не дает. Но весь ход его рассуждений подводит к выводу о том, что большевики победили именно потому, что по своему духовному складу они были наиболее близки к мировосприятию народа, выражали в своих лозунгах и своей политике преобладающие в его среде умонастроения. Он, в частности, указывает, что такие качества большевиков как наивная вера в правильность и осуществимость рассудочных построений, деспотизм, нетерпимость фанатиков и т.п., суть "некоторые, к сожалению, распространенные в русской интеллигенции и в русском народе свойства" [17]. "Большевики, - пишет он в другом месте, - лишь приклеивали коммунистические ярлыки к стихийному, увлекавшему их, говорившему и в них течению. Они лишь понятным темному народу языком идеологически обосновывали его дикую разрушительную волю". И даже, подчеркивает ученый, в какой-то мере смягчили ее, вводили стихийную ненависть темных масс в более или менее упорядоченное русло. "Большевики, - пишет он, - были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества; может быть, скорее ослабили, чем усилили порыв стихии". "Ведь уже сама идея "революционной законности", - поясняет Карсавин, - не что иное, как самоограничение ненависти" [18].

Не вдаваясь в обсуждение этих положений, отметив только самую направленность мыслей Карсавина, идущую в русле современных подходов к пониманию поведения людей. Представляется научно продуктивным поиск истоков победы большевистской альтернативы в национальном менталитете. Констатируя близость ментальных установок большевиков и большинства россиян, выражение в "коммунистических русских формулах" некоторых основных религиозных идеалов и поисков русского народа, Карсавин заключает, что "в известном смысле даже коммунизм есть качествование русского народа" [19]. Очевидно, что такая поста-

новка вопроса далеко не исчерпывает всю сложность изучения причин победы Октябрьской революции. Но не менее очевидно о то,что она намечает один из перспективных путей такого изучения.

Положение о ментальности большевиков как выражении российского менталитета получило дальнейшее развитие в творчестве Н.А.Бердяева, который был убежден, что русская революция является глубоко национальной. "Самый интернационализм русской коммунистической революции, - писал он,- чисто русский, национальный. Я склонен думать, что даже активное участие евреев в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму" [20].

Соответственно этому Бердяев ищет закономерность победы большевистской альтернативы в особенностях народного мировосприятия, проявившихся с особенной силой в условиях порожденного первой мировой войной и революцией общенационального кризиса. Максималистический характер русской революции соответствовал, подчеркивает он, склонноку к максимализму характеру русского народа, Поэтому "большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям. И он демагогически воспользовался всем" [21].

Раскрывая это последнее положение, Бердяев указывает на ряд объективных обстоятельств, удачно использованных большевиками (невозможность дальнейшего ведения войны, нерешенность аграрного вопроса, раскол между народом и интеллигенцией, традиции деспотического управления и т.п.). Но его преимущественное внимание привлекают факторы духовного порядка, связанные с национальным менталитетом. Большевизм, пишет ученый, "воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и терпеливому несению страданий, но также к проявлению грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России... Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни" [22].

Тема соответствия большевизма российскому менталитету получает любопытное развитие в бердяевской трактовке образа В.И.Ленина как вождя русской революции. "Ленин, -подчеркивает ученый, - был типи-

чески русский человек... В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе" [23]. Его успех был обусловлен тем, что "он соединил в себе две традиции - традицию русской интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традиции русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях" [24].

В этом последнем отношении заслуживает внимания его сопоставление с известным обер-прокурором Св.Синода К.П.Победоносцевым. "Он, - пишет Бердяев, - был духовным вождем старой монархической России эпохи упадка. Ленин был духовным вождем новой коммунистической России... Победоносцев и Ленин представляли полярно противоположные идеи. Но есть сходство в их духовной структуре, они во многом принадлежат к одному и тому же типу" [25].

Характеризуя этот тип, Бердяев предпринимает сравнительный анализ психологических качеств своих персонажей, проявлявшихся в их отношении к человеку и окружающему миру. Эти качества суть выражения той вековой авторитарно-деспотической традиции, которую он считает атрибутом русской государственности. Вот почему столь пессимистичен его общий вывод. "Для судьбы России и русского народа, - заключает ученый свой сравнительный анализ, - поразительно, что до революции Россией правил человек, который не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру, и после революции правил человек, который тоже не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру. Это очень символично и многое объясняет. Русская власть не может стать человечной и обратной стороной этого является русский анархизм" [26].

Но не является ли "русская власть" в этом своем качестве наиболее ярким порождением бинарной культурной системы? Не здесь ли скрываются истоки конечной неудачи любого серьезного проекта реформирования российского общества, замешанного на либеральной идее? Не в этом ли состоит вообще трагедия российского либерализма, несовместимого с бинарной системой мышления?

Между тем эта система и сегодня продолжает сохранять доминирующее положение едва ли не во всех сферах российской общественно-политической жизни. Вопреки многочисленным декларациям о необходимости достижения общественного согласия, разумного компромисса, обеспечения приоритета прав личности, ее действительное лицо определяют выраженная конфронтационность, идейная непримиримость. Главное же, в современном сознании понятия "права человека" и "права

государства" не только непроницаемо разделены, но и противостоят друг другу как взаимоисключающие. При этом, как особенно наглядно показал чеченский кризис, бесспорно торжествует право государства, подавляющее право личности.

Означает ли это, что даже в исторической перспективе невозможно переключение российского менталитета с бинарной системы на тернарную и, следовательно, продвижение либеральной идеи в России фатально обречено на неуспех? Думается все же, что нет. Всякая культурная система является продуктом длительного исторического развития. Принадлежность к ней, как показывает история, не является чем-то раз навсегда данным, фатально предопределенным и неизменным. Ведь та же тернарная система далеко не сразу утвердилась в западной цивилизации. Достаточно вспомнить западноевропейское средневековье с его кострами инквизиции, религиозными войнами, острыми проявлениями политической и культурной нетерпимости. Да и в новое время либеральная идея отнюдь не сразу и не везде одновременно восторжествовала на Западе. В Германии, например, это происходит практически на наших глазах.

Сегодня такой шанс переключения с бинарной на тернарную систему предоставляется по-видимому и российской цивилизации. Другое дело, что это не одномоментное событие, а длительный процесс, предполагающий радикальную переориентацию общественного сознания на ту "середину жизненного процесса", о которой писал еще Бердяев. Успех или неудача этого процесса зависит от многих обстоятельств, совокупность которых не может быть предметом обсуждения в этом докладе. Отметим лишь один, но, как представляется, чрезвычайно важный фактор такого переключения, к тому же имеющий непосредственное отношение к профессиональной деятельности историков. Речь идет о формировании и распространении исторического сознания как важнейшего элемента сознания общества, способного оказывать сильное преобразующее влияние на национальный менталитет в плане смягчения его "предельных" черт.

Важно подчеркнуть, что современная историческая наука обладает достаточным теоретико-методологическим потенциалом, необходимым для формирования примиряющего исторического сознания, утверждающего в обществе чувство терпимости, отказ от оперирования абсолютными константами, гуманизацию общественных отношений. Доминирующим является методологический подход, ориентированный на получение достоверного знания о прошлом, но в то же время отвергающий самовольные претензии на непогрешимость наших знаний. В итоге шедших на протяжении всего XX в. методологических дискуссий в современной науке утверждается положение, что нет и не может быть одной, единственно

верной истины, как и одного обязательного для всех пути ее постижения, что истина неразрывно связана с сомнением.

Наконец, следует подчеркнуть такую фундаментальную черту современного состояния исторической науки, как ее гуманизацию, понимание того, что все социальные процессы и структуры вырастают из самого человека и замыкаются на нем , что вся социальная вселенная вращается вокруг человека [27].Так утверждается в историческом сознании представление о приоритете человеческой личности, о том, что человек действительно есть мера всего, а следовательно, подрываются главные устои традиционного бинарного мышления. Введение в центр изучения конкретного человека, реконструирование его поведения, образа мыслей и чувствований не только обогащает наше видение прошлого, но и способствует укоренению в историческом сознании либеральной парадигмы человека.

Важно, однако, подчеркнуть, что такое ускорение будет прочным лишь в том случае, если эта парадигма, образно говоря, будет окрашена в российские цвета, т.е. сообразовываться с российским менталитетом. В частности, представляется, что либеральная идея в России, более тесно, чем на Западе, связана с государственной идеей. Эта связь, накладывающая на нее выраженную печать державности, очевидно, сохранится в обозримом будущем, составляя специфику российского либерализма. Но это тема специального исследования.

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвного большинства. М., 1990. С.377.

2. Kenez P. The Prosecution of Soviet History; A Critique of Richard Pipes. The Russian Revolution // The Russion Review. 1991. N 3. P.350.

3. Ковалев С. Конец эпохи // Независимая газета. 1995. 16 марта.

4. См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 750.

5. Один из новейших примеров такого объяснения демонстрирует А.С.Ахиезер , пишущий "о разных, даже противоположных ценностях" у модернизаторской элиты и низов российского общества (См.: Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. N 1. С.13.

6. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990. С.64.

7. Достоевский Ф. Искания и размышления. М., 1983. С. 398.

8. Бердяев Н.А. Духи русской революции... С. 64.

9. Там же. С. 74.

10. См., Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 257-265.

11. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. 1992. С.310. Впервые эта книга была опубликована в Берлине в 1923 г.

12. Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. М., 1994. С.5.

13. См.: Kenez P. Op.cit. P.348.

14. Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. М., 1994. С.539.

15. Карсавин Л.П. Указ. соч. С.306.

16. Там же. С.308.

17. Там же. С.307.

18. Там же. С.308.

19. Там же. С.311.

20. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М..1990. С.94.

21. Там же. С.113-115.

22. Там же. С.115.

23. Там же. С.94.

24. Там же. С.99.

25. Там же. С.127.

26. Там же. С.128.

27. Бакиров В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира // Общественные науки и современность. 1993. N 1. С. 72.

В.И.Миллер

канд.ист.наук, Москва

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ И ПСИХОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема, обозначенная в названии статьи, насколько я знаю, до сего времени не становилась предметом специального исследования. На протяжении десятилетий, если речь шла о периоде революции и гражданской войны, обычно писали о важнейших событиях этого времени, об их экономических и политических предпосылках и причинах, о влиянии этих событий на жизнь общества, на его экономику, на характер и способы функционирования государственных и партийных учреждений. Вместе с тем, обычно обходился тот факт, что между объективно существовавшими классовыми и групповыми интересами и действиями соответствующих классов и групп лежал (и поныне лежит "промежуточный компонент" - сознание этих общностей, достаточно сложное по своему составу. В нем, наряду с интересами, отражались представления, как традиционные (в том числе и религиозные), так и обусловленные изменившейся ситуацией, о мире и о месте человека (представителя дан-